



КУМИРЫ

Истории Великой
Любви



*Звёзды
пары*

нашей
ЭПОХИ

Любовь на грани фола



Андрей Леонович Шляхов

Главные пары нашей эпохи.

Любовь на грани фола

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4442027

Главные пары нашей эпохи. Любовь на грани фола: АСТ: Астрель;

Москва; 2011

ISBN 978-5-17-075010-8, 978-5-271-36626-0

Аннотация

Действительно ли все знаменитые пары нашей эпохи – пустышки, фальшивые чувства которых нужны лишь для игры с почтеннейшей публикой? В этой книге собраны те, чья любовь безусловна, чьи страдания, ревность и нежность – настоящие. Поверьте, еще есть любовь, читая о которой щиплет глаза, и люди, у которых можно научиться прощать и жить ради другого. Орлова и Александров, Плисецкая и Щедрин, Миронов и его жены, Михалковы, Безруковы и многие другие в пронзительной, трогательной и яркой книге о любви.

Содержание

Николай Гумилёв	5
Владимир Маяковский и Лиля Брик	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Андрей Шляхов

Главные пары нашей эпохи.

Любовь на грани фола

Любовь – это сон в сновиденьи...

Любовь – это тайна струны...

Любовь – это небо в виденьи...

Любовь – это сказка луны...

Любовь – это чувственных строк душа...

Любовь – это дева вне форм...

Любовь – это музыка ландыша...

Любовь – это вихрь! это шторм!

Любовь – это девственность голая...

Любовь – это радуга снов...

Любовь – это слезка веселая...

Любовь – это песня без слов!..

Игорь Северянин. «Любовь».

Николай Гумилёв

Анна Ахматова

Паладин и Колдунья

Николай Гумилев

- *еще мальчиком любил помечтать, жаждал приключений и писал красивые, но в то же время совершенно не детские стихи*
- *роста высокого, худощав, с очень красивыми руками, несколько удлинённым бледным лицом*
- *впервые признался Анне в любви спустя два месяца после знакомства*
- *познакомился с братом Анны, чтобы чаще бывать в доме Горенко*
- *от неразделенной любви хотел утопиться*
- *стрелялся на дуэли с Волошиным*
- *участник возрожденного ежемесячного журнала современной поэзии «Остров»*
- *побывал в Африке трижды в качестве исследователя-этнографа*
- *венчание с Анной*
- *на голове – феска лимонного цвета, на ногах – лиловые носки и сандалии, и к этому русская рубашка*

- решение, что впредь каждый будет жить так, как ему или ей вздумается
- в начале Первой мировой войны ушел добровольцем на фронт

Анна Ахматова

- девочкой сильно отличалась от своих сверстниц
- росла индивидуалисткой
- она была другая, ей никогда не хотелось быть такой, как все
- с Колей Гумилевым познакомилась в канун Рождества 1903 года
- на венчании не было никого из ее родственников
- родился сын Лев
- семейная жизнь не дала трещину – она не заладилась с самого начала
- больше всего обожала бродить по Петербургу в белые ночи
- одна уехала в Париж к Модильяни
- после смерти Гумилев стал ее вечным собеседником, ее потусторонним наставником, ее ангелом-хранителем

Девочка сильно отличалась от своих сверстниц. Она росла индивидуалисткой. Она жила тем, что было внутри нее. Она была другая. Ей никогда не хотелось быть такой, как все:

*И никакого розового детства...
Веснушечек, и мишек, и игрушек,
И добрых тетя, и страшных дядя, и даже
Прятелей средь камешков речных.
Себе самой я с самого начала
То чым-то сном казалась или бредом,
Иль отраженьем в зеркале чужом...*

Пятнадцатилетний мальчик любил помечтать, жаждал приключений и писал красивые, но в то же время совершенно не детские стихи:

*Вот я один с самим собой...
Пора, пора мне отдохнуть:
Свет беспощадный, свет слепой
Мой выпил мозг, мне выжгег грудь.
Я грешник страшный, я злодей:
Мне Бог бороться силы дал,
Любил я правду и людей;
Но растоптал я идеал...
Я мог бороться, но как раб,
Позорно струсив, отступил
И, говоря: «Увы, я слаб!» —
Свои стремленья задавил...
Я грешник страшный, я злодей...
Прости, Господь, прости меня.
Душе измученной моей
Прости, раскаянье ценя!*

С Колей Гумилевым Аня Горенко познакомилась в канун Рождества 1903 года. Их представила друг другу Анина подруга Валерия Тюльпанова. Случилось это в Царском Селе близ Гостиного Двора.

Валерия Тюльпанова, в замужестве ставшая Срезневской, довольно подробно описала в своих мемуарах всю историю отношений Анны Ахматовой с Николаем Гумилевым. Буквально от первого дня и до последнего.

«Сидя у меня в небольшой темно-красной комнате, на большом диване, Аня сказала, что хочет навеки расстаться с ним», – так Срезневская вспоминала встречу Ахматовой с Гумилевым летом 1918 года в своей петербургской квартире на Выборгской стороне.

«Коля страшно побледнел, помолчал и сказал: "Я всегда говорил, что ты совершенно свободна делать все, что ты хочешь". Встал и ушел. Многого ему стоило промолвить это... ему, властно желавшему распорядиться женщиной по своему усмотрению и даже по прихоти. Но все же он сказал это! Ведь во втором браке, меньше чем через год, он отправил юную жену к своей маме в Бежецк, в глушь, в зиму, в одинокую и совсем уж безрадостную жизнь! Она была ему "не нужна". Вот это тот Гумилев, который только раз (но смертельно) был сражен в поединке с женщиной. И это-то и есть настоящий, подлинный Гумилев. Не знаю, как называют поэты или писатели такое единоборство между мужчиной и жен-

щиной... Я помню, раз мы шли по набережной Невы с Колей и мирно беседовали о чувствах женщин и мужчин, и он сказал: "Я знаю только одно, что настоящий мужчина – полигамист, а настоящая женщина – моногамична". "А вы такую женщину знаете?" – спросила я. "Пожалуй, нет. Но думаю, что она есть", – смеясь, ответил он. Я вспомнила Ахматову, но, зная, что ему будет это больно, промолчала».

Знакомство с Анной Николай позже опишет в стихотворении «Современность»:

*Я закрыл Илиаду и сел у окна,
На губах трепетало последнее слово,
Что-то ярко светило – фонарь иль луна
И медлительно двигалась тень часового...
Я печален от книги, томлюсь от луны,
Может быть, мне совсем и не надо героя,
Вот идут по аллее, так странно нежны,
Гимназист с гимназисткой, как Дафнис и Хлоя.*

Аня была царскосельским старожилом – ее семья жила здесь уже больше десяти лет. Гумилевы же недавно вернулись в Царское Село после восьмилетнего перерыва, и Коля все никак не мог привыкнуть к «новому месту». Больше всего мальчика огорчало то, что у него совершенно не складывались отношения с одноклассниками. Коля вообще с трудом находил общий язык со сверстниками. Высокий, немного нескладный, слегка косящий глазами, картавый и очень

церемонный в обращении, он резко выделялся на фоне прочих семиклассников Царскосельской Императорской Николаевской гимназии. Поэт и эссеист Николай Оцуп вспоминал о Гумилеве: «Он так важно и медлительно, как теперь, говорит что-то моему старшему брату Михаилу. Брат и Гумилев были не то в одном классе, не то Гумилев был классом младше. Я моложе брата на 10 лет, значит, мне было тогда лет шесть, а Гумилеву лет пятнадцать. И все же я Гумилева отлично запомнил, потому что более своеобразного лица не видел в Царском Селе ни тогда, ни после. Сильно удлинённая, как будто вытянутая вверх голова, косые глаза, тяжёлые медлительные движения, и ко всему очень трудный выговор, – как не запомнить!»

«Он не был красив, – подтверждает в своих мемуарах Валерия Срезневская, – в этот ранний период он был несколько деревянным, высокомерным с виду и очень неуверенным в себе внутри... Роста высокого, худощав, с очень красивыми руками, несколько удлинённым бледным лицом, – я бы сказала, не очень заметной внешности, но не лишённой элегантности. Так, блондин, каких на севере у нас можно часто встретить».

Вдобавок ко всему, Гумилев писал стихи, причем стихи не классические и не героические – он был приверженцем модернистского направления в поэзии. Его сверстники подобного творчества не понимали и не принимали. Гумилева в гимназии откровенно травили.

Чувствуя неприязнь окружающих, он все больше замыкался в себе.

В Аню Горенко, бывшую на три года младше его, Гумилев влюбился с первого взгляда. Эта любовь стала смыслом его жизни и одновременно – трагедией. Спустя несколько лет он напишет:

*Из логова змиева,
Из города Киева,
Я взял не жену, а колдунью.
А думал – забавницу,
Гадал – своенравницу,
Веселую птицу-певунью.
Покликаешь – морицится,
Обнимешь – топорицится,
А выйдет луна – затомится,
И смотрит, и стонет,
Как будто хоронит
Кого-то, – и хочет топиться.
Твержу ей: крещенному,
С тобой по-мудреному
Возиться теперь мне не в пору;
Снеси-ка истому ты
В днепровские омуты,
На грешную Лысую гору.
Молчит – только ежится,
И все ей невозможно,
Мне жалко ее, виноватую,*

*Как птицу подбитую,
Березу подрытую,
Над очастью, Богом заклую.*

Ахматова ответит на жалость недобро и резко. Она вообще была резка:

*Под навесом темной риги жарко,
Я смеюсь, а в сердце злобно плачу.
Старый друг бормочет мне: «Не каркай!
Мы ль не встретим на пути удачу!
Но я другу старому не верю.
Он смешной, незрячий и убогий,
Он всю жизнь свою шагами мерил
Длинные и скучные дороги.
И звенит, звенит мой голос ломкий,
Звонкий голос не узнавших счастья:
«Ах, пусты дорожные котомки,
А на завтра голод и ненастье!»*

Справедливости ради, надо отметить, что «смешной и убогий» Гумилев с годами стал если не красавцем, то вполне обаятельным мужчиной.

*«Позже, возмужав и пройдя суровую
кавалерийскую военную школу, – писала
Срезневская, – он сделался лихим наездником,
обучавшим молодых солдат, храбрым офицером
(он имел два Георгия за храбрость), подтянулся*

и, благодаря своей превосходной длинноногой фигуре и широким плечам был очень приятен и даже интересен, особенно в мундире. Улыбка и несколько насмешливый, но милый и недерзкий взгляд больших, пристальных, чуть косящих глаз нравились многим и многим. Говорил он чуть нараспев, нетвердо выговаривая "р" и "л", что придавало его говору совсем не уродливое своеобразие, отнюдь не похожее на косноязычие».

Если Гумилев буквально обезумел от свалившейся на него любви, то Аня не придавала этому знакомству никакого значения. Юноша – и юноша. Ничего особенного. При повторных встречах она делала вид, что не замечает или не узнает нового знакомого. А может быть, и вправду не узнавала? Исстрадавшийся от неразделенной любви Коля познакомился со старшим братом Анны Андреем, который очень заинтересовался поэтическими опытами Николая. Благодаря дружбе с Андреем Гумилев стал вхож в дом к Горенкам, ведущим довольно замкнутый образ жизни. Отец Ани, Андрей Антонович Горенко был морским офицером, сменившим военную службу на чиновную и дослужившимся до статского советника. Отец Гумилева Степан Яковлевич был корабельным врачом. Можно сказать, что море объединяло два этих семейства. Горенки, правда, жили побогаче.

С течением времени между Колей и Аней установились ровные, дружеские отношения. Несомненно, Ане льстило внимание юноши-старшеклассника, да еще и поэта. Настоя-

щего поэта, готовящего к изданию свою первую книгу «Путь конквистадоров». Однако она никак не выдавала своего расположения. Гумилев страдал, терзался и... продолжал надеяться. Он вообще был однолюб.

А еще он был очень настойчив – не упускал ни малейшего повода для того, чтобы лишний раз показаться Анне на глаза. Приходил в гости, подкарауливал на улице, встречал после уроков. Валерия Тюльпанова вспоминала, как, желая позлить надоедливую Колю, они с Аней вдруг начинали читать вслух длиннейшие немецкие стихи. Немецкая речь Гумилеву отчего-то не нравилась. Но он терпел и как верный рыцарь прощался с Аней только у ворот ее дома. Возвращался к себе, немного мечтал, что-то писал, если было настроение, и шел в гости к Горенкам. О, этот мальчик умел держать осаду по всем правилам военного искусства!

Они выросли, нередко вместе появлялись на людях, иногда Анна была благосклонна, иногда – резка, но все же их отношения внушали надежду. Хотя бы одному Гумилеву:

*Знаю! Сердце девушек бесстрашно,
Как они, не мучить никому:
Огонек болот отравит тьму,
Отуманит душу шум неясный,
Подкрадется ягуар опасный,
Победитель, к лоту твоему...
Девушка, игравшая судьбой,
Сделается нежною женой,*

*Милым сотоварищем в работе...
Водопады с пеной ледяной,
Островки, забытые в болоте,
Вы для жизни духа оживете!*

Удивительно, как столь гордый и самолюбивый юноша, преисполненный чувства собственного достоинства, непокорная поэтическая натура, столь легко, а главное – добровольно, покорился своей избраннице! Он добровольно пал к ее ногам и был бесконечно рад мимолетному взгляду, одному-двум добрым словам, редкой улыбке.

Он впервые признался ей в любви спустя два месяца после знакомства – в феврале 1904 года. Признался, надеясь на взаимность, но взаимности не получил. Но и отказа тоже не последовало, что позволяло надеяться... На закате жизни Анна Андреевна называла свои добрачные отношения с Гумилевым «удивительными и непонятными».

Конечно же, он ей нравился, нравился настолько, что ей было жаль его терять, и далеко не настолько, чтобы остановить на нем свой выбор прямо с начала знакомства. Анна была практична, немного взбалмошна и очень рано узнала цену своим чарам.

Первым стихотворением, которое Гумилев посвятил своей любимой, была «Русалка».

*У русалки мерцающий взгляд,
Умирающий взгляд полуночи,*

*Он блестит, то длинней, то короче,
Когда ветры морские кричат.
У русалки чарующий взгляд,
У русалки печальные очи.
Я люблю ее, деву-ундину,
Озаренную тайной ночной,
Я люблю ее взгляд заревой
И горящие негой рубины...
Потому что я сам из пучины,
Из бездонной пучины морской.*

Дошло до того, что Николай оформил свою комнату в родительском доме в виде подводного грота с фонтаном, попросив знакомого художника нарисовать на стене русалку, весьма похожую на Анну.

Вместе с «Балладой» Николай подарил Анне золотое кольцо с крупным рубином.

*Пять коней подарил мне мой друг Люцифер
И одно золотое с рубином кольцо,
Чтобы мог я спускаться в глубины пещер
И увидел небес молодое лицо.
Кони фыркали, били копытом, маня
Понестись на широком пространстве земном,
И я верил, что солнце зажглось для меня,
Просияв, как рубин на кольце золотом...
В тихом голосе слышались звоны струны,
В странном взоре сливался с ответом вопрос,*

*И я отдал кольцо этой деве луны
За неверный оттенок разбросанных кос.
И, смеясь надо мной, презирая меня,
Люцифер распахнул мне ворота во тьму,
Люцифер подарил мне шестого коня —
И Отчаянье было названье ему*

Дева луны кольцо приняла, но хранила его втайне от своих домашних, явно сознавая, что принимать подобные знаки внимания от мужчин девушке не пристало. Однажды Анна кольцо уронила, и оно закатилось в щель между половицами, да там и осталось.

Летом 1906 года двадцатилетний Гумилев наконец-то окончил гимназию. Анна к тому времени успела влюбиться. В другого. Счастливым соперником Гумилева стал студент третьего курса факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Красавчик с прекрасными манерами и громкой фамилией Голенищев-Кутузов. Нет никаких данных, свидетельствующих о том, что Владимир Голенищев-Кутузов ответил на Аннино чувство. Скорее всего любовь заключалась в одностороннем обожании. По окончании факультета Голенищев-Кутузов отбыл за границу, положив начало своей дипломатической карьере, и след его потерялся.

Ахматова, подобно всем настоящим поэтам, была великим мистификатором. Однажды она призналась: «В течение

своей жизни любила только один раз. Только один раз. "Но как это было!" В Херсонесе три года ждала от него письма. Три года каждый день, по жаре, за несколько верст ходила на почту и письма так и не получила».

Можно строить догадки – о ком это сказано. Но наверняка – не о Гумилеве.

В июле 1907 года Анна с матерью жила в Крыму – ее родители решили расстаться и жена, забрав детей, уехала на юг, подальше от мужа и холодов. Гумилев по пути в Париж, где он намеревался для продолжения образования слушать лекции по французской литературе в Сорбонне, заехал повидаться. Разумеется, он сделал новое предложение, которое Анна опять не приняла. Гумилев привез ей в подарок пьесу «Шут короля Батиньоля», но она не стала ее слушать, и рукопись была разорвана.

Вскоре Гумилев написал стихотворение «Отказ»:

*Царица иль, может быть, только печальный ребенок,
Она наклонялась над сонно вздыхающим морем,
И стан ее, стройный и гибкий, казался так тонок,
Он тайно стремился навстречу серебряным зорям.
Сбегающий сумрак. Какая-то крикнула птица,
И вот перед ней замелькали на влаге дельфины.
Чтоб плыть к бирюзовым владеньям влюбленного
принца,
Они предлагали свои глянцевитые спины.*

*Но голос хрустальный казался особенно звонок,
Когда он упрямо сказал роковое: "Не надо..."
Царица иль, может быть, только капризный ребенок,
Усталый ребенок с бессильною мукою взгляда.*

Дальше – больше. То ли из желания испытать Николая, то ли – избавиться от него, Анна вдруг призналась, что уже успела утратить невинность. Впрочем, кажется, она раньше уже намекала ему на это, но сейчас сказала прямо, без недомолвок. Ласковые южные вечера вообще располагают к откровенности.

Страдание Гумилева излилось в новых стихах:

*Музы, рыдать перестаньте,
Грусть вашу в песнях излейте,
Спойте мне песню о Данте
Или сыграйте на флейте.
Дальше, докучные фавны,
Музыки нет в вашем кличе!
Знаете ль вы, что недавно
Бросила рай Беатриче...*

Просвещенные люди, к которым, вне всякого сомнения, относил себя Гумилев, и в то время не придавали большого значения добрачной утрате невинности. Но – это вообще, в отношении всех женщин. Идеал же, воспетый в стихах, совершенство, возведенное на постамент, муза, любовь поэта не могла вести себя подобным образом. Не могла и не долж-

на была. Он убеждал себя, что Анна пошутила, но сердце подсказывало, что она сказала правду.

*Во Франции Гумилев даже хотел утонуться,
для чего приехал из Парижа в норманнский городок
Трувиль. Оканчивать свой земной путь в грязной
Сене ему не хотелось. Бог миловал – обошлось.*

Спустя полвека Анна Андреевна обратится к своему верному паладину с пронзительными стихами. Нет – не стихи то были, а крик души, устремленный в небытие:

*Ты выдумал меня. Такой на свете нет,
Такой на свете быть не может.
Ни врач не исцелит, не утолит поэт, —
Тень призрака тебя и день, и ночь тревожит.
Мы встретились с тобой в невероятный год,
Когда уже иссякли мира силы,
Все было в трауре, все никло от невзгод,
И были свежи лишь могилы.
Без фонарей, как смоль был черен невский вал,
Глухая ночь вокруг стеной стояла...
Так вот когда тебя мой голос вызывал!
Что делала – сама еще не понимала.
И ты пришел ко мне, как бы звездой ведом,
По осени трагической ступая,
В тот навсегда опустошенный дом,
Откуда унеслась стихов сожженных стая.*

Не сумев утопить свою боль в море, Гумилев решил уто-

пить ее в разгуле. Немало побед было на его счету, но все эти победы ровным счетом ничего для него не значили. Даже не помогали отвлечься от тяжелых дум. Впрочем, была одна поэтесса, Елизавета Дмитриева, которая чем-то неуловимо напоминала Гумилеву Анну. Но – только чем-то, отчасти, слегка. Дмитриева больше прославилась (слава ее была скандальна) под именем Черубины де Габриак. Наверное, только к Дмитриевой Ахматова ревновала Гумилева, если она вообще была способна его ревновать, зная, что он всецело и навсегда принадлежит ей одной.

Роман с Дмитриевой начался в 1909 году, после очередного, уже и не сосчитать какого именно, отказа Анны выйти замуж за Гумилева. Познакомились Николай и Елизавета в Париже, но потянуло их друг к другу почти через два года, уже в Петербурге, когда, по признанию самой Дмитриевой, «оба с беспощадной ясностью поняли, что это встреча, и не нам ей противиться». «Это была молодая, звонкая страсть, – продолжала Елизавета. – "Не смущаясь и не кроясь, я смотрю в глаза людей, я нашел себе подругу из породы лебедей", – писал Н. С. (*Николай Степанович Гумилев. – А. Ш.*) на альбоме, подаренном мне. Мы стали часто встречаться, все дни мы были вместе и друг для друга. Писали стихи, ездили на "Башню" и возвращались на рассвете по просыпающемуся серо-розовому городу. Много раз просил меня Н. С. выйти за него замуж, никогда не соглашалась я на это; в это время я была невестой другого, была связана жалостью к большой,

непонятной мне любви. В "будни своей жизни" не хотела я вводить Н. С.

Те минуты, которые я была с ним, я ни о чем не помнила, а потом плакала у себя дома, металась, не знала. Всею моею жизни не покрывал Н. С, и еще: в нем была железная воля, желание даже в ласке подчинить, а во мне было упрямство – желание мучить... В мае мы вместе поехали в Коктебель».

В Коктебеле случилось неприятное. Гумилев с Дмитриевой приехали к их общему, еще по Парижу, знакомому Максимилиану Волошину, живому божеству литературно-художественной богемы. Дмитриева, кроме того, дружила с женой Волошина, художницей Маргаритой Сабашниковой, но это не помешало ей вступить в связь с Максимилианом. Гумилев оскорбился, уехал из Коктебеля в Петербург, оставив свою Черубину в объятиях Волошина. Из-за того что Гумилев якобы нелестно отозвался о Дмитриевой, у него в ноябре 1909 года вышла дуэль с Волошиным, больше похожая на театральный фарс. Одним из секундантов был писатель Алексей Толстой. Он вспоминал:

«Здесь, конечно, не место рассказывать о том, чего сам Гумилев никогда не желал делать достоянием общества. Но я знаю и утверждаю, что обвинение, брошенное ему, – в произнесении им некоторых неосторожных слов, – было ложно: слов этих он не произносил и произнести не мог. Однако из гордости и презрения он молчал, не отрицая обвинения, когда же была устроена очная ставка и он услышал на очной

ставке ложь, то он из гордости и презрения подтвердил эту ложь. В Мариинском театре, наверху, в огромной, как площадь, мастерской Головина, в половине одиннадцатого, когда под колосниками, в черной пропасти сцены, раздавались звуки "Орфея", произошла тяжелая сцена в двух шагах от меня: поэт В. (*Волошин. – А. Ш.*), бросившись к Гумилеву, оскорбил его (*дал пощечину. – А. Ш.*). К ним подбежали Анненский, Головин, В. Иванов. Но Гумилев, прямой, весь напряженный, заложив руки за спину и стиснув их, уже овладел собой. Здесь же он вызвал В. на дуэль».

Как и положено поэтам, противники стрелялись на Черной речке – месте дуэли Пушкина. Счастливый жребий выпал обоим – никто не пострадал.

Началось с того, что по дороге машина Гумилева застряла в снегу. Вскоре рядом остановился автомобиль, на котором ехал Волошин. Совместными усилиями машину вытащили и поехали дальше.

Гумилев был настроен весьма решительно. Толстой писал: «Когда я стал отсчитывать шаги, Гумилев, внимательно следивший за мной, просил мне передать, что я шагаю слишком широко. Я снова отмерил пятнадцать шагов, попросил противников встать на места и начал заряжать пистолеты. Пыжей не оказалось, я разорвал платок и забил его вместо пыжей, Гумилеву я понес пистолет первому. Он стоял на кочке, длинным, черным силуэтом различимый в мгле

рассвета. На нем были цилиндр и сюртук, шубу он сбросил на снег. Подбегая к нему, я провалился по пояс в яму с талой водой. Он спокойно выжидал, когда я выберусь, – взял пистолет, и тогда только я заметил, что он, не отрываясь, с ледяной ненавистью глядит на В., стоявшего, расставив ноги, без шапки. Передав второй пистолет В., я по правилам в последний раз предложил мириться. Но Гумилев перебил меня, сказав глухо и недовольно: «Я приехал драться, а не мириться».

На счет «три» Гумилев выстрелил, но промахнулся, а у Волошина пистолет дал осечку. Гумилев предложил противнику стрелять еще раз. «Я выстрелил, – вспоминал Волошин, – боясь, по неумению своему стрелять, попасть в него. Не попал...»

Гумилев потребовал стрелять снова. У Волошина во второй раз вышла осечка. Секунданты отобрали пистолеты. Гумилев горячился: «Я требую третьего выстрела!», – но его не послушали. Гумилев отказался мириться и руки Волошину так и не подал.

Причину промаха столь меткого стрелка, как Гумилев, Алексей Толстой объяснял тем, что в пистолеты по ошибке насыпали двойную порцию пороха, отчего усилилась отдача и, соответственно, уменьшилась точность.

Кстати, вот как описывал Елизавету Дмитриеву Максимилиан Волошин: «Тонкий профиль, маленьким бледным треугольником

выдвигающийся из-под спущенных волос. Змеистый рот с немного поднимающимися углами и так же скошенная стремительная линия и в очерке лба и постановке глаза».

Елизавета Дмитриева сильно кривила душой, уверяя себя, а больше – других, в страстной любви к ней Гумилева. Она даже утверждала, что стихотворение «Отказ» написано Гумилевым под впечатлением ее отказа, а Ахматова здесь ни при чем.

Анна Дмитриеву ненавидела, а дважды оскорбленному Гумилеву сочувствовала.

После дуэли Гумилев, Алексей Толстой и поэт Михаил Кузмин приехали в Киев в качестве участников возрожденного ежемесячного журнала современной поэзии «Остров». На деньги спонсоров удалось издать только первый номер, отпечатанный второй так и остался невыкупленным в типографии. Провалился и вечер поэзии «Остров искусств», на который пришла и Анна. После вечера она, несмотря на холод и слякоть, долго гуляла с Гумилевым по Киеву. Желая согреться, зашли выпить кофе в гостиницу «Европейская», где Анне было сделано очередное предложение руки и сердца.

На этот раз она его приняла! Много позже Ахматова признавалась, что принять предложение Гумилева ее подтолкнула фраза из его недавнего письма: «Я понял, что в мире меня интересует только то, что имеет отношение к Вам».

Три счастливых дня провел Гумилев в Киеве, а затем отбыл в Абиссинию. Это была первая африканская поездка Гумилева. Всего же он побывал в Африке трижды, причем не досужим туристом, а в качестве исследователя-этнографа. Некоторые считают, что Гумилев побывал в Африке не три, а четыре раза, включая сюда и его поездку в Египет, состоявшуюся в 1908 году.

О помолвке жених и невеста решили пока помалкивать. Гумилев звал Анну с собой в Африку, но она отказалась.

Не исключено, что период от принятия предложения до начала совместной жизни с Ахматовой был для Гумилева самым радостным, самым счастливым. После стольких лет ожидания он все же добился своего! Это была поистине великая победа.

Как это часто бывает в жизни, победа обернулась поражением. Правда, не совсем сразу...

Они венчались весной 25 апреля 1910 года в маленькой деревенской церквушке, расположенной недалеко от Киева. Венчались скромно, без пышности. Совсем недавно, в феврале того же года, скоропостижно скончался отец Николая и срок траура еще не кончился.

Гумилев беспокоился, что Анна может передумать, но она не передумала. Хотя и особой радости, кажется, не выказывала. У Валерии Срезневской сохранилась записка Анны: «Птица моя, – сейчас еду в Киев. Молитесь обо мне. Хуже не

бывает. Смерти хочу. Вы все знаете, единственная, ненаглядная, любимая, нежная. Валя моя, если бы я умела плакать. Аня».

Можно догадываться, строить предположения, рассматривать различные версии, но ясно одно – предложение Гумилева было принято Ахматовой без воодушевления. Но все же – оно было принято.

Венчание было обставлено с поистине заговорщицкой таинственностью. Из дома Анна отправилась в церковь в повседневной одежде и лишь где-то по пути переделалась в подвенечное платье. На венчании не было никого из ее родственников, которые сочли брак с Гумилевым обреченным на неудачу.

Анну подобное невнимание со стороны близких очень сильно обидело. Ее свадебные впечатления выльются в мрачное:

*Хорони, хорони меня, ветер!
Родные мои не пришли,
Надо мной блуждающий вечер
И дыханье тихой земли.
Я была, как и ты, свободной,
Но я слишком хотела жить.
Видишь, ветер, мой труп холодный,
И некому руки сложить...*

Невеста явно не радовалась своему семейному счастью.

Спустя неделю после свадьбы Гумилевы отбыли в свадебное путешествие в Париж. Именно здесь родился псевдоним Ахматова (фамилия прабабушки Анны). Им было подписано стихотворение, посвященное художнице Александре Экстер, знакомой Анне еще по Киеву:

*Тонки по-девичьи нежные плечи,
Смотришь надменно-упрямо;
Тускло мерцают высокие свечи,
Словно в преддверии храма,
Возле на бронзовом столике цитра,
Роза в граненом бокале...*

Надежда Чулкова, жена писателя Георгия Чулкова, дружившая с Анной, вспоминала: «Ахматова была тогда очень молода, ей было не больше двадцати лет. Она была очень красива, все на улице заглядывались на нее. Мужчины, как это принято в Париже, вслух выражали свое восхищение, женщины с завистью обмеривали ее глазами. Она была высокая, стройная и гибкая. (Она сама мне показывала, что может, перегнувшись назад, коснуться головой своих ног.) На ней было белое платье и белая широкополая соломенная шляпа с большим белым страусовым пером – это перо ей привез только что вернувшийся тогда из Абиссинии ее муж – поэт Н.С. Гумилев».

Вскоре по прибытии в Париж Гумилевы познакомились с художником Амедео Модильяни. Итальянский еврей Модильяни

льяни переехал в Париж в 1906 году с далеко идущими целями. Он намеревался учиться художественному мастерству у именитых французских живописцев и рассчитывал вскоре заявить о себе как о молодом даровании.

Модильяни был беден, перебивался с хлеба на воду, но жил беззаботно, безмятежно. Его спокойствие поразило Ахматову больше, чем его экстравагантность.

Впервые Модильяни предстал перед Ахматовой одетым в желтые вельветовые брюки и яркую желтую куртку. Другой в подобном одеянии имел бы весьма нелепый вид, но врожденное изящество помогало художнику казаться образцом элегантности в любом костюме. Модильяни недавно исполнилось двадцать шесть лет, Anne было двадцать.

«В 10-м году я видела его чрезвычайно редко, всего несколько раз, – вспоминала о Модильяни Ахматова. – Тем не менее он всю зиму писал мне... Как я теперь понимаю, его больше всего поразило во мне свойство угадывать мысли, видеть чужие сны и прочие мелочи, к которым знающие меня давно привыкли... Вероятно, мы оба не понимали одну существенную вещь: все, что происходило, было для нас обоих предысторией нашей жизни: его – очень короткой, моей – очень длинной. Дыхание искусства еще не обуглило, не преобразило эти два существования, это должен был быть светлый легкий предрассветный час. Но будущее, которое,

как известно, бросает свою тень задолго перед тем как войти, стучало в окно, пряталось за фонарями, пересекало сны и пугало страшным бодлеровским Парижем, который притаился где-то рядом. И все божественное в Амедео только искрилось сквозь какой-то мрак. У него была голова Антиноя и глаза с золотыми искрами, он был совсем не похож ни на кого на свете...»

Одно из этих писем, о которых пишет Ахматова, увидел Гумилев. Гумилев и Модильяни друг друга терпеть не могли. «Гумилев, – писала Анна Андреевна, – когда мы в последний раз вместе ехали к сыну в Бежецк (в мае 1918 г.) и я упомянула имя Модильяни, назвал его "пьяным чудовищем" или чем-то в этом роде и сказал, что в Париже у них было столкновение из-за того, что Гумилев в какой-то компании говорил по-русски, а Модильяни протестовал. А жить им обоим оставалось примерно по три года, и обоих ждала громкая посмертная слава».

Посмертная слава у обоих и впрямь была гораздо больше прижизненной.

В июне 1911 года Анна уехала в Париж одна. Уехала к Модильяни, в которого влюбилась еще во время своего свадебного путешествия. Страсть вспыхнула внезапно, неожиданно, неуместно... Свадебное путешествие как-никак. Возможно, Анна надеялась на то, что на расстоянии чувство к художнику угаснет, но разлука только усилила взаимное влечение, подогреваемое страстными письмами влюбленно-

го художника!

Гумилев по вечной своей привычке страдал молча. Терпел, мучился, но не требовал объяснений и не закатывал скандалов. Не считая себя вправе унижаться до ревности в семейной жизни, поэт отразил свои муки в стихах:

*Ты совсем, ты совсем снеговая,
Как ты странно и страшно бледна!
Почему ты дрожишь, подавая
Мне стакан золотого вина?
Отвернулась печальной и гибкой...
Что я знаю, то знаю давно,
Но я выпью, и выпью с улыбкой
Все налитое ею вино.
А потом, когда свечи потушат
И кошмары придут на постель,
Те кошмары, что медленно душат,
Я смертельный почувствую хмель...
Я приду к ней, скажу: «Дорогая,
Видел я удивительный сон,
Ах, мне снилась равнина без края
И совсем золотой небосклон.
Знай, я больше не буду жестоким,
Будь счастливой, с кем хочешь, хоть с ним,
Я уеду, далеким, далеким,
Я не буду печальным и злым.
Мне из рая, прохладного рая,
Видны белые отсветы дня...*

*И мне сладко – не плачь, дорогая, —
Знать, что ты отравила меня.*

Их семейная жизнь не дала трещину – она попросту не заладилась с самого начала. Слишком уж разными были они и совершенно по-разному смотрели на жизнь. Конечно же, Анна в душе чувствовала себя виноватой, но ничего не могла поделать. Она не любила Гумилева. Если и были некие чувства, которые она могла принять за любовь, то они быстро прошли.

А вот он любил за двоих. Страстно, искренне, самоотверженно. Иначе бы не написал:

*И мне сладко – не плачь, дорогая, —
Знать, что ты отравила меня.*

Ахматова тоже поверяла бумаге сокровенное. Но она была настроена не столь мрачно:

*Я и плакала и каялась,
Хоть бы с неба грянул гром!
Сердце темное измаялось
В нежилом дому твоём.
Боль я знаю нестерпимую,
Стыд обратного пути...
Страшно, страшно к нелюбимому,
Странно к тихому войти.
А склонюсь к нему, нарядная,*

*Ожерельями звеня, —
Только спросит: «Ненаглядная!
Где молилась за меня?»*

Отношения с родными Николая у Анны не сложились с самого начала. Все было не таким, чужим, инородным. Она чувствовала неприязнь, исходящую от родственников мужа, и оттого все больше замыкалась в себе. Мать Николая скрепя сердце простила сыну скоропалительную женитьбу без родительского благословения, но вот в душе принять невестку в свою семью так и не смогла. Да и невестка, кажется, в этом совсем не нуждалась. Чужая кровь, чужие люди, чужая душа — потемки.

Вот что вспоминала тверская помещица Вера Неведомская: «Судьба свела меня с Гумилевым в 1910 году. Вернувшись в июле из заграницы в наше имение "Подобино" — в Бежецком уезде Тверской губ., — я узнала, что у нас появились новые соседи. Мать Н.С. Гумилева получила в наследство небольшое имение "Слепнево", в 6 верстах от нашей усадьбы. Слепнево собственно не было барским имением, это была скорее дача, выделенная из "Борискова", имения Кузьминых-Караваевых. Мой муж уже побывал в Слепневе несколько раз, получил от Гумилева его недавно вышедший сборник "Жемчуга" и был уже захвачен обаянием Гумилевской поэзии.

Я как сейчас помню мое первое впечатление от встречи с

Гумилевым и Ахматовой в их Слепневе. На веранду, где мы пили чай, Гумилев вошел из сада; на голове – феска лимонного цвета, на ногах – лиловые носки и сандалии, и к этому русская рубашка. Впоследствии я поняла, что Гумилев вообще любил гротеск и в жизни и в костюме. У него было очень необычное лицо: не то Би-Ба-Бо, не то Пьеро, не то монгол, а глаза и волосы светлые. Умные, пристальные глаза слегка косят. При этом подчеркнуто-церемонные манеры, а глаза и рот слегка усмеваются; чувствуется, что ему хочется созорничать и подшутить над его добрыми тетушками, над этим чаепитием, с разговорами о погоде, об уборке хлебов и т. п.

У Ахматовой строгое лицо послушницы из староверческого скита. Все черты слишком острые, чтобы назвать лицо красивым. Серые глаза без улыбки. Ей могло быть тогда 21–22 года. За столом она молчала, и сразу почувствовалось, что в семье мужа она чужая. В той патриархальной семье и сам Николай Степанович, и его жена были как белые вороны. Мать ограничилась тем, что сын не хотел служить ни в гвардии, ни по дипломатической части, а стал поэтом, пропадает в Африке и жену привел какую-то чудную: тоже пишет стихи, все молчит, ходит то в тесном ситцевом платье вроде сарафана, то в экстравагантных парижских туалетах (тогда носили узкие юбки с разрезом). Конечно, успех "Жемчугов" и "Четок" произвел в семье впечатление, однако отчужденность все же так и оставалась. Сама Ахматова так вспоминает об этом периоде своего "тверского уединения":

*Но все мне памятна до боли
Тверская скудная земля.
Журавль у ветхого колодца
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба, и тоска.
И те неяркие просторы,
Где даже голос ветра слаб.
И осуждающие взоры
Спокойных, загорелых баб.*

После чая мы, молодежь, пошли в конюшню смотреть лошадей, потом к старому пруду, заросшему тиной. Выйдя из дома, Николай Степанович сразу оживился, рассказывая об Африке, куда он мечтал снова поехать. Потом он и Ахматова читали свои стихи. Оба читали очень просто, без всякой декламации и напевности, которые в то время были в моде».

В 1912 году у Гумилевых родился мальчик, которого называли Львом. Анна была на седьмом небе от счастья. Она писала:

*Загорелись иглы венчика
Вкруг безоблачного лба.
Ах! улыбчивого птенчика
Подарила мне судьба.*

Будущий основоположник пассионарной теории этноге-

неза, а также поэт и переводчик рос здоровым ребенком. Все неприятности у него были в далеком будущем.

В стихотворении молодой матери, обращенном к мужу, сквозит боль:

*В ремешках пенал и книги были;
Возвращались мы домой из школы.
Эти липы, верно, не забыли
Нашей встречи, мальчик мой веселый.
Только, ставши лебедем надменным,
Изменился серый лебеденок.
А на жизнь мою лучом нетленным
Грусть легла, и голос мой незвонок.*

В то время между ними еще не пролегла пропасть, хотя определенные предпосылки к тому уже намечались. Гумилевы жили в Царском Селе. Николай Степанович недавно восстановился в университете и, не желая ежедневно тратить много времени на дорогу, снял комнатенку в Тучковом переулке. Снял – и начал пропадать там подолгу.

Вначале Анна обрадовалась. Ей всегда хотелось иметь свой угол в столице. Ахматова любила долгие прогулки, причем больше всего обожала бродить по Петербургу в белые ночи, но увы – приходилось связывать свой режим с графиком царскосельских поездов, последний из которых отходил около девяти часов вечера. Можно было, конечно, переночевать у отца или у Валерии, но из деликатности Ахматова

старалась не обременять их.

Подозрение в неверности мужа, которое Анна сначала отгоняла от себя, постепенно крепло. В свою очередь Анна тоже воздержалась от сцен и упреков. Она избрала другой путь, более действенный – начала напропалую кокетничать с друзьями Николая.

Гумилев на ее кокетство никак не реагировал, и это было больнее, чем сам факт измены. Он не отреагировал даже на провокационные стихи, прямо намекавшие на близкие отношения Ахматовой с воображаемыми (и воображаемыми ли?) любовниками. Скорее всего, потому, что сам к тому времени был далеко не безгрешен.

С актрисой Ольгой Высотской Гумилев познакомился в петербургском литературно-артистическом кафе «Бродячая собака» на праздновании юбилея Константина Бальмонта в 1912 году. Роман был страстным, но недолгим, вскоре Гумилев уехал в Абиссинию, несмотря на то, что Ольга была беременна. Подобное поведение очень обидело Высотскую и привело к разрыву отношений между ней и Гумилевым. В 1913 году Высотская родила сына Ореста, которого Гумилев так никогда и не увидел. Но сам факт рождения ребенка «на стороне» послужил последней каплей, переполнившей чашу терпения Ахматовой. На сей раз выяснение отношений было довольно-таки бурным. В конце концов супруги порешили на том, что впредь каждый будет жить так, как ему

или ей вздумается. Полная свобода, никаких взаимных обязательств.

Уже ничего не ожидая, ни на что не надеясь, Гумилев обратился к Анне:

*Я счастье разбил с торжеством святотатца,
И нет ни тоски, ни укора,
Но каждую ночь так ясно мне снятся
Большие, ночные озера.
На траурно-черных волнах нениофары,
Как думы мои, молчаливы,
И будят забытые, грустные чары
Серебряно-белые ивы...
Я вспомню, и что-то должно появиться,
Как в сумрачной драме развязка:
Печальная девушка, белая птица
Иль странная, нежная сказка.*

Печалью расставания, болью утраты проникнут целый ряд стихотворений Гумилева. Но кажется, это страдание, пусть и самое сильное, самое большое, обещает стать последним. От этого, впрочем, поэту не легче:

*Я знаю, жизнь неудалась... и ты,
Ты, для кого искал я на Леванте
Нетленный пурпур королевских мантий,
Я проиграл тебя, как Дамаянти
Когда-то проиграл безумный Наль.*

*Взлетели кости, звонкие как сталь,
Упали кости – и была печаль.
Сказала ты, задумчивая, строго:
«Я верила, любила слишком много,
А ухожу, не веря, не любя,
И пред лицом Всевидящего Бога,
Быть может самое себя губя,
Навек я отрекаюсь от тебя».
Твоих волос не смел поцеловать я,
Ни даже сжать холодных, тонких рук.
Я сам себе был гадок, как паук,
Меня пугал и мучил каждый звук.
И ты ушла в простом и темном платье,
Похожая на древнее Распятье.*

В самом начале Первой мировой войны Гумилев ушел добровольцем на фронт. Он служил во взводе конной разведки, чуть ли не ежедневно совершая рискованные вылазки во вражеский тыл. Анне же приходили бодрые письма. «Я тебе писал, что мы на новом фронте. Мы были в резерве, но дня четыре тому назад перед нами потеснили армейскую дивизию, и мы пошли поправлять дело. Вчера с этим покончили, кое-где выбили неприятеля и теперь опять отошли валяться на сене и есть вишни. С австрийцами много легче воевать, чем с немцами. Они отвратительно стреляют. Вчера мы хохотали от души, видя, как они обстреливали наш аэроплан. Снаряды рвались по крайней мере верст за пять от него. Сейчас война приятная, огорчают только пыль во вре-

мя переходов и дожди, когда лежишь в цепи. Но то и другое бывает редко. Здоровье мое отлично».

За три года, проведенных на фронте, Гумилев дослужился до прапорщика. В мае 1917 года его назначили в особый экспедиционный корпус русской армии, расквартированный в Париже. В мае 1918 года он вернулся в Петроград. В начале августа Гумилев официально развелся с Анной Ахматовой.

Идеальная любовь оказалась не любовью, а иллюзией. Гумилеву хотелось счастья, хотелось иметь настоящую семью. В 1919 году он женился на Анне Николаевне Энгельгардт – дочери историка и литературоведа Николая Энгельгардта. В апреле 1919 года у них родилась дочь Елена.

В начале 1921 года Гумилева избрали председателем Петроградского отделения Всероссийского Союза поэтов, а в конце августа того же года расстреляли за участие в контрреволюционном заговоре. Собственно вся вина его заключалась в том, что он не донес на тех, кто предлагал ему выступить против Советской власти. Невозможно представить Николая Гумилева в роли доносчика.

*И вот вся жизнь! Круженье, пенье,
Моря, пустыни, города,
Мелькающее отраженье
Потерянного навсегда.
Бушует пламя, трубят трубы,
И кони рыжие летят.*

*Потом волнующие губы
О счастье, кажется, твердят.
И вот опять восторг и горе,
Опять, как прежде, как всегда,
Седую гривой машет море,
Встают пустыни, города.
Когда же наконец, оставивши
От сна, я буду снова я, —
Простой индеец, задремавший
В священный вечер у ручья?*

Если Анна Ахматова не хранила верность живому Николаю Гумилеву, то вот мертвому, его памяти, она была верна всю свою жизнь. В душе своей Анна Андреевна возвела Гумилева на недостижимый для прочих ее мужчин пьедестал. Он стал ее вечным собеседником, ее потусторонним наставником, ее ангелом-хранителем. Не проходило дня, чтобы она не вспоминала о нем. Она так привыкла к тому, что он всегда рядом, ее верный паладин.

Ахматова надолго пережила Гумилева. Жизнь ее не была легкой, скорее наоборот. Арест сына, травля, всеобщее непонимание, болезни... Лишь на закате жизни ей было позволено хоть немного насладиться своей славой, но время было упущено, и после всего пережитого уже ничего не доставляло Ахматовой радости. Разве что кроме воспоминаний, которыми, как свидетельствуют немногочисленные друзья, и жила Анна Андреевна. Она принадлежала светлому про-

ШЛОМУ.

В мае 1963 года она написала:

*Я гашу те заветные свечи,
Мой окончен волшебный вечер, —
Палачи, самозванцы, предтечи
И, увы, прокурорские речи,
Все уходит – мне снишься ты,
Доплясавший свое пред ковчегом.
За дождем, за ветром, за снегом
Тень твоя над бессмертным берегом,
Голос твой из недр темноты.
И по имени! Как неустанно
Вслух зовешь меня снова... «Анна!»
Говоришь мне, как прежде, – «ты».*

Спустя три года Колдунья ушла к своему Паладину. На смерть поэтессы откликнулись многие, но лучше всех, пожалуй, сказал об Ахматовой поэт Евгений Евтушенко:

*Ахматова двувременной была.
О ней и плакать как-то не пристало.
Не верилось, когда она жила,
Не верилось, когда ее не стало.
Она ушла, как будто бы напев
Уходит в глубь темнеющего сада.
Она ушла, как будто бы навек
Вернулась в Петербург из Ленинграда.*

*Она связала эти времена
В туманно-тенивое средоточье,
И если Пушкин – солнце,
То она в поэзии пребудет белой ночью...*

Владимир Маяковский и Лиля Брик Изменчивая муза

Маяковский

- терпеть не мог булавок и заколок
- азартный игрок – карты, бильярд
- громадный рост, крупные черты лица, массивная, сильно выдвинутая вперед челюсть производили впечатление непреклонности и жесткости
- большой ребенок, который, общаясь на равных со взрослыми, сам невыносимо страдал от типичных комплексов, присущих подростковому возрасту
- на его внешность обращали внимание режиссеры театра и кино
- подбирал кошек и собак и пристраивал у друзей и знакомых
- была написана и поставлена программная трагедия «Владимир Маяковский», а сам автор выступил режиссером и исполнителем главной роли
- обменялся с Лилей Брик перстнями. Ей подарил перстень с инициалами ЛЮБ
- активно работал в РОСТА, оформляет (как поэт и

как художник) для РОСТА агитационно-сатирические плакаты

- реформатор поэтического языка
- футурист

Лиля Брик

- муза русского авангарда
- в юности сильно увлекалась романом «Что делать?» Чернышевского
 - самоуверенная и эгоцентричная
 - женищина с очень организованной волей
 - человек пунктуальный и обязательный
 - обладала неотразимым обаянием незаурядной личности
 - снялась с Маяковским в киноленте «Закованная фильмой» по сценарию самого В. Маяковского
 - меценатство, заботливость и внимательность были у Лили Юрьевны в крови
 - знала секреты обольщения, умела остроумно разговаривать, восхитительно одевалась, была умна, знаменита и независима
 - стала второй женищиной-москвичкой за рулем

Лиля Брик была не просто любовницей поэта Владимира Маяковского. Она была его музой. Многие исследователи творчества поэта считают, что именно Лиля привела Маяковского к славе, сделав из него поистине великого поэта.

Одни считали Лилию красавицей, прежде всего восхищаясь ее огромными глазами, другие же находили ее некрасивой – невысокой, чересчур худой и заметно сутулой. Но все сходились в одном – Лилия была дьявольски притягательной. Было в ней нечто особенное, манящее, женственное, чарующее. О, эта женщина, которую можно было принять за подростка, превосходно умела пользоваться своими чарами. Она сознавала свою силу и пускала ее в ход при каждом удобном случае. Ну, а если мужчина ей нравился, то, как вспоминал один из современников, «она умела быть грустной, капризной, женственной, гордой, пустой, непостоянной, умной и какой угодно».

Искусствовед Николай Лунин, будущий муж Анны Ахматовой, описал в своем дневнике Лилию так: «Зрачки ее переходят в ресницы и темнеют от волнения; у нее торжественные глаза; есть наглое и сладкое в ее лице с накрашенными губами и темными веками... эта самая обаятельная женщина много знает о человеческой любви и любви чувственной».

Природа наделила Лилию острым умом, а родители привили ей чувство собственной исключительности и уверенность в своей способности повелевать мужчинами. Отец Лили, присяжный поверенный Юрий Александрович Каган служил юрисконсультom в австрийском посольстве, а мать Елена Юльевна преподавала в Московской консерватории. Юрий

Каган большую часть своего времени уделял проблемам, связанным с правом жительства евреев в Москве. Мать, уроженка Риги, помимо преподавания писала стихи, перекладывала их на музыку, регулярно устраивала у себя дома музыкальные вечера. Дом Каганов, расположенный у Покровских ворот, был излюбленным пристанищем московской богемы.

Отец Лили был страстным почитателем немецкого поэта Гете и потому назвал свою старшую дочь в честь возлюбленной Гете Лили Шенеман, а младшую – Эльзой, по имени одной из героинь поэта. Девочки получили подобающее образование. Помимо гимназического курса, отец занимался с ними французским и немецким языками, а мать – музыкой, в первую очередь – игрой на фортепьяно.

В гимназии тринадцатилетняя Лиля познакомилась с семнадцатилетним сыном ювелира Осипом Бриком и совершенно не по-детски влюбилась в него. Сам Осип в то время не ответил Лиле взаимностью.

Окончив в 1909 году гимназию, Лиля поступила на математический факультет Высших женских курсов, однако интерес к математике вскоре угас, и она подалась в архитектурный институт – учиться на отделение живописи и лепки. Весной 1911 – го Лиля уехала в Мюнхен и около года обучалась скульптуре в одной из тамошних студий.

В Москву она вернулась уже опытной, совершенно зрелой женщиной, за плечами у которой было множество побед над мужчинами. Когда очередное любовное приключение Лили

обернулось беременностью, родители отправили ее в куда-то в провинцию – избавляться от «позора». В результате Лиля навсегда лишилась возможности иметь детей.

Былые увлечения были забыты после случайной встречи с Осипом Бриком в Каретном Ряду Эта встреча оказалась судьбоносной. «Постояли, поговорили, – вспоминала Лиля, – я держалась холодно и независимо и вдруг сказала: «А я вас люблю, Ося». Если Лиля пускала в ход свои чары, то никто из мужчин не мог устоять перед ними. Осип ответил взаимностью и сумел получить у своих родителей, которых пугала не вполне «благопристойная» репутация Лили, разрешение на брак. Они поженились в марте 1912-го и уехали жить из Москвы в Петербург. В начале их супружеская жизнь была безоблачной и даже казалась счастливой. Лиля была неизменно весела, очень внимательна, отзывчива и приятна в общении. Их петербургская квартира, продолжая традиции, заведенные в доме Лилиных родителей, превратилась в место сбора художников, поэтов и музыкантов. Жили небогато – порой гостей совсем нечем было угощать, и тогда Лиля подавала на стол чай с хлебом, компенсируя скудость ужина своим обаянием. Порой она вела себя слишком вольно, но умный и, надо отметить, весьма проницательный Осип старался в такие моменты притворяться слепым и глухим. Он прекрасно понимал, что ревность вкупе со скандалами, обвинениями и упреками, не поможет ему удержать жену возле себя. А жить без Лили он уже не мог – прикипел

к ней.

По мнению самой Лили, секрет ее притягательности был таков: «Надо внушить мужчине, что он гениальный... И разрешить ему то, что не разрешают дома. Остальное сделают хорошая обувь и шелковое белье».

В 1915 году Лиля увлеклась балетом. Устроила в одной из комнат станок и начала брать уроки у известной балерины Александры Доринской. «Среднего роста, тоненькая, хрупкая, она являлась олицетворением женственности, – писала о ней Доринская. – Причесанная гладко, на прямой пробор, с косой, закрученной низко на затылке, блестящей естественным золотом своих воспетых... "рыжих" волос. Ее глаза действительно "вырывались ямами двух могил" – большие, были карими и добрыми; довольно крупный рот, красиво очерченный и ярко покрашенный, открывал при улыбке ровные приятные зубы... Дефектом внешности Лили Юрьевны можно было бы почитать несколько крупную голову и тяжеловатую нижнюю часть лица, но, может быть, это имело свою особую прелесть в ее внешности, очень далекой от классической красоты».

В том же 1915 году сестра Лили Эльза привела в дом Бриков своего близкого друга, начинающего поэта Владимира Маяковского, в которого она была влюблена настолько, что намеревалась связать с ним свою будущую жизнь. «В гостиной, где стояли рояль и пальма, было много молодых лю-

дей, – вспоминала Эльза. – Все шумели, говорили. Кто-то необычайно большой в черной бархатной блузе размашисто ходил взад и вперед, смотрел мимо всех невидящими глазами и что-то бормотал про себя. Потом внезапно загремел громким голосом. И в этот первый раз на меня произвели впечатление не стихи, не человек, который их читал, а все это, вместе взятое, как явление природы, как гроза».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.